

УДК 82.1:308+39(470)
ББК 81.3

М.П. Кочесокова

**О ФОЛЬКЛОРНЫХ
ТРАДИЦИЯХ
В АДЫГСКОМ РОМАНЕ
1960–1980-Х ГОДОВ**

Статья посвящена исследованию фольклорных традиций в национальных литературах адыгских народов: адыгейской, кабардинской, черкесской. В частности, анализируется жанр романа, роль и место в нём фольклорных мотивов, символики, образности. Подробно анализируются романы адыгских писателей: А. Кешокова, Т. Керашева, И. Машбаша, Т. Адыгова. Основной тезис статьи, доказательно исследуемый автором, – формирование жанра романа в адыгских литературах происходило по возрастающей: от фольклора к литературе.

Ключевые слова: *фольклор, традиции, символика, легенда, эволюция жанра, новаторство.*

Исследователи отмечают, что особое место в национальной литературе занимает «фольклоризм стилистически-речевой, фольклоризм поэтического строя литературного произведения и фольклоризм социально-этнографический» [Гамзатов, с. 27]. Изучение каждой из форм, методов и особенностей их использования в художественном произведении дает возможность анализировать индивидуальные особенности таланта писателя, национальную почву, питавшую его талант, народно-поэтические источники его творчества, а также специфику романного мышления.

Очерки истории национальных литератур (абхазской, адыгейской, балкарской, ингушской, кабардинской, дагестанской, осетинской, чеченской и др.), монографии, посвященные проблемам развития жанров прозы, отмечают их движение в национальных литературах от поэзии к прозе, и эволюцию прозы от малых жанров (очерк, эссе, рассказ) к роману. Отметим некоторые, на наш взгляд, наиболее значительные труды: Бекизова Л.А. Литература в потоке времени (2008), От богатырского эпоса к роману (1974); Бигуаа В. А. Абхазская литература и литература народов Северного Кавказа. (2011); Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. (2000); Далгат У.Б. Литература и фольклор (1981); Мусукаева А.Х. Северокавказский роман. Художественная и этнокультурная типология. (1993); Мусукаева А.Х., Тхагазитов Ю.М. Эволюция жанра романа в кабардинской литературе 1950–1980-х годов (2010); Паранук К.Н. Мифопоэтика и художе-

Кочесокова Мадина Петровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся Кабардино-Балкарского государственного университета

Тел.: 8 866 (2) 44-20-96, 8-928-717-37-17

© Кочесокова М.П., 2014 г.

ственный образ мира в современном адыгском романе (2006); Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. (2006); Шаizzo К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах (1978) и др.

Отмеченную нами последовательность в эволюции жанров подчеркивают историки дагестанских, чечено-ингушских, карачаево-балкарских, адыгских литератур. Причем последовательность эта наблюдается не только на отдельных этапах становления и развития национальных литератур, но и в творчестве отдельных художников слова. Примером может служить творчество кабардинского поэта Алима Кешокова, начавшего свой путь с лирических произведений, затем ставшего известным прозаиком, автором романов «Вершины не спят» (1965), «Сломанная подкова» (1973), «Корни» (1999). Следует все же отметить, что подобная закономерность не может являться правилом. Г.И. Ломидзе в свое время отмечал, что некоторые молодые литературы нарушают обычную «иерархию» жанров: «они порой перепрыгивают через, казалось бы, обязательные историко-эстетические ступени, начиная с того, чем венчают свой путь зрелые письменные литературы» [Ломидзе, с. 18].

Современные адыгские литературы давно и прочно получили репутацию профессиональных: имена А. Кешокова, Т. Керашева, И. Машбаша, Т. Адыгова, М. Эльберда, Х. Теунова и других свидетельствуют об этом. К примеру, для современного литературоведения творчество А. Кешокова стало ориентиром в оценке развития адыгских литератур, их достижений, а также в выявлении места и роли в культуре народов наиболее значимых творческих индивидуальностей. Как известно, эпопея А. Кешокова «Вершины не спят» возникла на основе познания писателем эпического синтеза этикета, фольклора, этнографии и истории народа, а также предшествующих достижений национальных литератур и русской литературы.

Адыгская литература прошла нелегкий путь, прежде чем появились «Горцы» (1953) А. Шортанова, «Вершины не спят» (1965) А. Кешокова, «Род Шогемокых» (1969) Х. Теунова, «Тропы из ночи» (1971) И. Машбаша, «Одинокий всадник» (1973) Т. Керашева, «Страшен путь на Ошхамахо» (1980) М. Эльберда, «Щит Тибарда» (1982) Т. Адыгова, и др. Становление литературы претерпевало сложности во многих аспектах и фольклорные традиции – одни из них. Надо сказать о том, что в творчестве каждого писателя в той или иной степени сохраняются результаты воздействия фольклора. Анализ прозаических произведений каждого из перечисленных авторов дает возможность говорить об этом.

Прозаическое творчество адыгских писателей 1960 – 1980-х гг. происходило по возрастающей: от фольклора к литературе. В их произведениях плодотворность влияния народной романтики налицо. Но не всегда и не у всех она использовалась удачно. Иногда произведение от начала до конца построено по эпической традиции и его герои выступают в известном облике, т. е. произведение целиком и полностью

«построено» в соответствии с требованиями к произведениям устного народного творчества. На примере творчества многих писателей 1960 – 1980-х гг. можно отметить факт изменения роли фольклорных элементов в составе художественного произведения. Теперь мы можем говорить о художественном самосознании автора. Изменяется соотношение между коллективным и индивидуальным. Индивидуальный стиль проявляется в обрисовке героев, выборе тем и подходе к раскрытию тех или иных проблем, затронутых и развитых в повествовании. В данном случае писатель свободно оперирует фольклорными мотивами, символикой, подвергая их тем или иным преобразованиям. Преимущество уступает место заимствованиям, которые проходят на сюжетно - композиционном, художественно-эстетическом уровнях.

Определенный интерес сегодня представляет изучение традиций, функций фольклорных мотивов и фольклорной образности, к примеру, фольклорной символики, столь органичной для жанра романа не только в адыгских, но и во многих других литературах народов Северного Кавказа. Следует оговорить, что подобное исследование должно опираться прежде всего на современное представление о жанре романа, на произведения, близкие по тематике, проблематике. В романе 60-80-х годов «фольклорные образы, приемы, символы выступают не изолированно, сами по себе, как «антураж», а выполняют определенные сюжетно-композиционные и эстетические функции, трансформируясь, как это требует литературная система, и становясь по мере роста литератур неотьемлемыми формообразующими или, другими словами, жанрообразующими факторами» – подчеркивает А.Х. Мусукаева [Мусукаева, с. 42].

Наряду с широким использованием мифов, легенд, преданий, песен, пословиц, поговорок, проклятий, писатели используют также и фольклорные символы. Приведем примеры: скала – символ дома; цветущий сад – благополучие; снежные горы – чистота, вечность; подкова – символ счастья, удачи; сломанная подкова – беда, потеря, горе; орел – воин; ворон – враг; грязная вода – беда, печаль и др. В творчестве А. Кешокова фольклорный символ указан в названиях романов и глав: «Сломанная подкова», «Грушевый цвет» – романы; «Черное утро», «Один в поле воин...» – названия глав.

Обратимся в качестве примера к одному из эпизодов романа «Сломанная подкова», характеризующих боль и страдания простых крестьян в страшное военное время. Старый седельщик Бекан едет в концлагерь в поисках сына: «Сырой холодный туман окутывал степь. Его клочья летели низко над землей, словно лизали и черную дорогу, и черные поля по сторонам от нее. Временами в клочьях и клубках тумана попадались разрывы, и тогда тусклое солнце выглядывало на землю. На короткий миг загорались капли воды на поникших и переломанных стеблях небранной пшеницы, на осыпавшихся колосьях... Казалось, и солнце тоже что-то ищет, взглядывая на землю, как ищет Бекан, едущий по этой незнакомой, неизвестно куда ведущей дороге. Туман колыхался над зем-

лей, вправо и влево, словно был на привязи». В этом отрывке показана и тяжесть военного времени – «тусклое солнце» как световой фон трагедии, и стебли неубранной поздней осенью пшеницы, и многозначность самих определений – «поникшие и переломанные», которое можно отнести к стеблям, но также и к самому Бекану, на судьбу которого выпало столько горя; «черная дорога и черные поля» – символ черного времени. Фольклорно-символическая конструкция в данном эпизоде обретает, благодаря психологическому параллелизму «новый смысл и новую жизнь» [Веселовский, с. 101].

Символы черного цвета, тьмы, холода, тумана олицетворяют войну, страдания, смерть, врага, что позволяет вести речь об органичности фольклорно-символического восприятия художника, но не о «вспомогательной» роли символики.

Поиски жанровой формы у А. Кешокова уходят своими корнями в мифопоэтическое сознание, традиции адыгского просветительства, адыгский этикет, а также в русскую литературу, через нее – в европейскую историю формирования эпического романного мышления. И здесь одним из слагаемых художественности эпопеи «Вершины не спят» А. Кешокова служит преемственность опыта первых черкесских романистов Х. Абукова «На берегах Зеленчука» (1930), адыгейского писателя Т. Керашева «Шамбуль» (1932), М. Дышекова «Зарево» (1934). В произведениях выдающегося адыгейского писателя Т. Керашева проявилось умение соединить актуальные проблемы современности с традиционно-вековыми, которое наблюдалось, к примеру, в романах писателя, а также в его повестях «Дочь шапсуга», «Мечь табунщика» и др. В произведениях Т. Керашева, как отмечали многие исследователи, не было статичности в создании образов, заданности, в них события, герои представляли яркими, живыми, своеобразными, с неповторимым внутренним содержанием. М. Хачемизова справедливо отмечает: «Его творческий путь позволяет проследить характерные особенности времени, которые формировались на протяжении многих лет под воздействием тех или иных поворотов исторических судеб мира и страны. Отсюда и особенности повествования и стиля писателя, подачи облика героя, углубление психологического изображения героя и действительности» [Хачемизова, с. 13].

В произведениях Т. Керашева фольклор определял стилевую особенность и был весьма серьезным концептуальным компонентом. О том значении, которое имели первые романы для прозы, К. Шаззо писал: «Они наметили широкие перспективы развития прозы, разработали новые принципы исследования характеров и событий, раздвинули рамки повествования, включили в поле рассказа развернутые события» [Шаззо, с. 89].

Следует отметить, что формирование эпической традиции в адыгских литературах начинается не только с указанных романов Т. Керашева, Х. Абукова, М. Дышекова, а также с романа в стихах А. Шогенцукова

«Камбот и Ляца» (1936), с повестей Ю. Тлюстена «Путь открыт» (1938), Х. Теунова «Аслан» (1941), А. Евтыха «Мой старший брат» (1941) и др.

Роман А. Кешокова «Сломанная подкова» относится к синтезу эпопейного типа, в котором авторская позиция совпадает с народной, в то же время для нее характерно усиливающееся личностное начало, выраженное через трансформацию жанра и избранную форму повествования.

А. Кешоков – художник-психолог. Он успешно преодолевает зависимость от традиционных форм, сковывающих индивидуальное творчество, руководствуется лишь творческой инициативой, обеспечивающей полноту и свободу выбора темы, сюжета, поэтических особенностей.

Проза А. Кешокова позволяет говорить о фольклоре и как об источнике лиризма и романтической настроенности писателя. Наиболее лиричными оказываются главы, насыщенные фольклорными элементами, и здесь наблюдается прямая взаимосвязь. Что же касается романтической настроенности, то о ней свидетельствует, к примеру, глава, посвященная гибели Бекана («Сломанная подкова») – трагическая и лирическая одновременно. Образ героя, данный в течение всего повествования в реалистическом ракурсе («старик», «старый седельщик»), в его заботах о людях, о сыне, в его реальных действиях, воссоздан романтическими красками в момент гибели. Крестьянин, труженик, уходящий своими корнями в землю, он гибнет, не имея возможности спасти элитного коня и не желая отдать его врагу. Данную главу писатель называет «Прыжок в легенду», как бы проецируя вхождение героя в легенду, в бессмертие. Повествование о гибели Бекана и коня Шоулоха – пример органического слияния лирической прозы и фольклорных мотивов. Оно также свидетельствует о масштабности изображения в романе, о возможностях символического, народно-поэтического мышления художника слова, о его отказе от плоскостного восприятия и изображения жизни.

Немало фольклорных символических конструкций мы найдем и в произведениях других адыгских писателей. В романе адыгейского писателя Х. Ашинова «Всадник переходит бурную реку» (1957) уже само композиционное построение произведения восходит к фольклору: оно формируется в виде своеобразного сказа. Также тесно связана с фольклором судьба героя романа Лаурсена, он – аспирант, приезжающий в родной аул для сбора фольклорного материала: легенд, песен, сказок. Тема исследования молодого ученого – нартский эпос, легенда об Адыиф (Адиюх) – Светлорукой. Напомним легенду: храбрый Нарт, рассказывая о своих подвигах, никогда не упоминает о помощи жены Адыиф, своей белой рукой освещающей ему путь. Когда же она посмела один раз напомнить ему об этом, он, решив, что она «пожелала себе долю той славы, которая принадлежит ему», запретил ей освещать тропу. Но, запретив, он в темноте погибает в волнах бурной реки. Легенда не является фольклорной иллюстрацией, искусственно вставленной в по-

вестование. Она активно «вмешивается» в жизнь героя, в процесс его нравственного становления.

Фольклор сыграл немалую роль и в жанровом развитии романа в адыгских литературах. Одним из ведущих жанров, как известно, стал историко-революционный роман, который органически и очень естественно продолжил героико-эпическую традицию фольклора.

Фольклорные традиции, символика, мотивы в художественном произведении еще не есть признак глубины и значимости фольклоризма в литературе. Не всегда примеры совпадений можно рассматривать как генетическую связь устного народного творчества и литературы. Реальное влияние фольклорных традиций на литературу значительно шире и весомее. Как известно, фольклоризм сам по себе еще не есть признак народности, так как народность – более сложное явление, определение которому пытаются дать исследователи разных эпох развития литературы. Еще В.Г. Белинский писал: «Народность есть не достоинство, а необходимое условие истинно художественного произведения, если под народностью должно разуместь верность изображения нравов, обычаев и характеров того или иного народа, той или иной страны» [Белинский, с. 295].

Обращение адыгских писателей к фольклору всегда индивидуально, связано с поэтическим мышлением писателя, с особенностями его стиля. Нередко гиперболизированные изображения явлений природы, окружающей действительности, предметов действительны, играют немалую роль в развитии сюжета. В адыгских романах обращение к фольклорным традициям не всегда равнозначно в смысле художественной результативности. Порой встречаются произведения, в которых момент самоцельного использования художественных богатств фольклора налицо, в таких произведениях фольклор выступает как некая «вставка», «экзотизм». Известный исследователь национальных литератур Г. Гамзатов отмечает: «Фольклорные традиции сами по себе не могут быть ни консервативными, ни стимулирующими по отношению к литературе. Все дело в том, как художник обращается с ним – творчески или нетворчески» [Гамзатов, с. 27].

В итоге можно отметить следующее: если в период 1920 – 1930-х гг. обращение к фольклору было вызвано необходимостью учебы молодых литератур как у сформировавшейся эстетической системы устного народного творчества, имеющей значительно больший художественный опыт, то литература 60 – 80-х гг. строит свои отношения с фольклором совсем иначе. Речь уже идет не об учебе, хотя фольклор остается для литературы неисчерпаемым источником народной мудрости, тонкости миропонимания, высокого эстетического и этического смысла. Адыгские литературы генетически связаны с фольклором. Фольклорные традиции определяют природу этих литератур, их место в типологии огромного множества литератур, они фольклорны по своему типу. Фольклорные традиции раскрывают кровную связь с адыгской прозой 60 – 80-х гг. XX в.

Литература

- Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 1.
Веселовский А. Историческая поэтика. М., 1989.
Гамзатов Г.Г. Взаимодействие литературы и фольклора: проблемы и суждения. // Взаимосвязи фольклора и литературы народов Дагестана. Махачкала, 1986.
Ломидзе Г.Н. Расширение эстетического диапазона. // Вопросы литературы. 1971. № 9.
Мусукаева А.Х. Северокавказский роман. Художественная и этнокультурная типология. Нальчик, 1993.
Хачемизова М.Н. Художественный мир Тембота Керашева. Майкоп, 2005.
Шаззо К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси, 1978.

References

- Belinskii V.G.* Polnoe sobranie sochinenii. M., 1953. T. 1.
Gamzatov G.G. Vzaimodeistvie literatury i fol'klora: problemy i suzhdeniya. // Vzaimosvyazi fol'klora i literatury narodov Dagestana. Makhachkala, 1986.
Khachemizova M.N. Khudozhestvennyi mir Tembota Kerasheva. Maikop, 2005.
Lomidze G.N. Rasshirenie esteticheskogo diapazona. // Voprosy literatury. 1971. № 9.
Musukaeva A.Kh. Severokavkazskii roman. Khudozhestvennaya i etnokul'turnaya tipologiya. Nal'chik, 1993.
Shazzo K.G. Khudozhestvennyi konflikt i evolyutsiya zhanrov v adygskich literaturakh. Tbilisi, 1978.
Veselovskii A. Istoricheskaya poetika. M., 1989.

Kochesokova M.P. (Nalchik, Russian Federation)

ON THE FOLK TRADITIONS IN THE ADIGHE NOVEL OF THE 1960S TO THE 1980S

Key words: *folklore, tradition, symbolism, legend, genre, innovation.*

The article is devoted to the study of folk traditions in the national literatures of the Adighe peoples: Adygei, Kabardian, Circassian. In particular, the author of the paper considers the novel as a literary genre, the role and the place of folklore motives in the novel, symbolism and imagery. The article discusses in detail the novels of the famous Adyghe writers: A. Keshokov, T. Kerashev, H. Mashbash, T. Adighov. The key thesis of the article, supported by the author, is the formation of the genre of the novel in Adighe literatures was developing increasingly: from folklore to literature.

Kochesokova Madina Petrovna – candidate of linguistics, professor assistant, Kabardino-Balkarsky state university.